

христианских представлений. Из тщательного анализа конкретного, четко ограниченного материала делаются интересные выводы по поводу менталитета рядового византийца, его отношения к произведениям искусства вообще и античного, в частности.

Интересный ракурс исследования выбран также Марией Х. Санц. Обратившись к не раз привлекавшим внимание искусствоведов и, казалось бы, досконально изученным мозаичным портретам Юстиниана и Феодоры в церкви Сан-Витале в Равенне, она поставила своей задачей найти аналоги украшениям, деталям одежды, ритуальным предметам, выполненным в мозаике, в реальных образцах римского и византийского искусства, дошедших до наших дней. В статье Санц (№11–12) приводится множество фотографий и описаний крестов, ожерелий, брошей, фибул и т.п., хранящихся в разных музеях мира, и, как показывает автор, почти полностью соответствующих тем, что изображены на равенских мозаиках. Великое произведение искусства выдерживает таким образом еще один экзамен — на точность запечатленных в портретах аксессуаров.

Наиболее, пожалуй, цельным и четко ориентированным предстает в "Эритей" ее лингвистический раздел. В работах проф. Педро Баденаса и его учеников последовательно прослеживается история греческого языка начиная от средневековой и вплоть до современности, причем акцент исследований — формирование языка в его народном варианте. Характерны

в этом плане результаты анализа копенгагенской рукописи "Морейской хроники", полученные Гоийтой Нуньес (№ 4), статья Хосе М. Энеа "Язык города в XII в." (№ 8-2), работы самого П. Баденаса "Греческий язык в раннем средневековье" (№6-1) и "Первые позднесредневековые тексты на народном греческом языке" (№6-2). Здесь уместно упомянуть также и другие труды этого испанского филолога, видного специалиста по средневековой и новогреческой словесности. Так, под скромным названием "Афинская рукопись о строительстве св. Софии" им опубликован интереснейший анализ разнообразных материалов, отражающих народную интерпретацию создания св. Софии на протяжении веков (№ 4). Практически неизвестные страницы истории греческого театра, связанные с его становлением в поствизантийский период, открываются в его статье "Дмитрий Мосхос и проблема греческого театра между 1453 годом и критским Возрождением" (№ 7-2). Знарок греческого фольклора (см., в частности, его статью в № 2 "Новый греческий песенник"), поэт, переведший на испанский язык всего Кавáfиса и Сефериса, Педро Баденас де ля Пенья — один из тех энтузиастов, благодаря усилиям которых родилась "Эритей".

Как мы пытались показать, возглавляемый им журнал имеет свое лицо и вправе претендовать на внимание византистов не только в Испании, но и за ее пределами.

Я.Н. Любарский, Н.Г. Рудина

K ü h n H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert: Studien zur Organisation der Tagmata. (Byzantinische Geschichtschreiber. Ergänzungsband 2). Wien, 1991. 326 S.

Византистика не избалована исследованиями истории тагмных войск, игравших огромную роль в империи с середины X в. В этом отношении появление монографии Х.-И. Кюна — событие. Целью работы, представленной в 1988 г. как диссертация в Тюбингенском университете, является "попытка целостного изображения организации византийской армии" X—XI вв. с акцентом на судьбу такой ее "элитной части" как тагмы (с. 31). Исследование строится "структурно-исторически", т.е. организация тагм изучается в развитии, а не статично. Хронологические рамки разбора Кюна, однако, вынужден расширять хотя бы потому, что четыре тагмных формирования (схолы, экскувиты, вигла и иканаты), генетически восходя к поздней античности (с. 39, 72), приобретали все больший вес уже с VIII в. Что же касается разделения истории тагмного войска на два периода (в монографии, соответственно, на две основные части), то это определяется значимостью военных преобразований середины X в., так называемой реформы Никифора II Фоки.

Кстати, именно характер оценки Кюном данных преобразований в известной мере обуслов-

ливает методику работы и ее структуру. С одной стороны, он признает важность учета социального и экономического фона "реформы", а Никифора II называет представителем "нового социально ведущего слоя крупных землевладельцев, возвысившихся благодаря службе в армии", окончательно "отвернувшимся" от "широкого среднего сословия фемных стратиготов" и сделавшим ставку на "военную аристократию" (с. 126). С другой стороны, исследователь считает целесообразным говорить именно о реформе, усматривая в ряде соответствующих явлений X в. "выходящие за рамки нормального развития волевые акты преобразований", и хотя есть известный риск в разговоре о военных преобразованиях именно Никифора II, все-таки, по Кюну, этот император — "создатель нового византийского военного порядка" (с. 124, 126). Но специальное изложение социального фона реформы в данной книге Кюна не считает возможным.

Отсюда главное внимание автора направлено на эволюцию организационной структуры тагмных формирований, в которой как системообразующие элементы представлены для VIII —